

М. Н. САМОНОВА

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

**ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЛЕТОПИСНАЯ
ЛЕГЕНДА О РОГВОЛОДЕ, РОГНЕДЕ И ВЛАДИМИРЕ :
К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКО-ДИНАСТИЧЕСКОЙ
ДЕФИНИЦИИ ПОЛОЦКИХ КНЯЗЕЙ**

В статье рассматриваются скандинавские параллели летописной легенды о Рогволоде, Рогнеде и Владимире на основе анализа нарративных текстов и правовых норм. Автор сделал вывод о влиянии скандинавских правовых обычаев на возвращение Рогнеде и её сыну Изяславу наследственных прав на Полоцкое княжество, что стало одним из оснований для утверждения в Полоцке самостоятельной княжеской династии Рогволодовичей-Изяславичей.

Одним из ярких проявлений взаимодействия между восточнославянской и скандинавской культурами в IX–XIII вв. стало формирование общего фонда литературных сюжетов, образов и преданий, представленных как в древнерусской, так и древнескандинавской культурных традициях. С историей Полоцка, первого государственного центра на белорусских землях, тесно связаны сохранившиеся в древнескандинавской литературе (саги, эпос) сюжеты, имеющие уникальное сходство с легендами о Рогволоде, Рогнеде и Владимире, Всеславе Брючиславиче. В данной работе мы рассмотрим скандинавские параллели летописной легенды о Рогволоде, Рогнеде и Владимире, известной из сообщений ПВЛ под 980 г. и Лаврентьевской летописи под 1128 г.

В зарубежной историографии (А. Стендер-Петерсен, О. Прицак, В. Дучко) существует мнение о том, что на Руси было две скандинавские династии – Рюриковичи и Рогволодовичи [1, р. 130–131; 2, р. 137; 3, р. 126–127]. Датский учёный А. Стендер-Петерсен считал, что на Руси образовалось два скандинаво-славянских государства – Новгородско-Киевское и Полоцкое. О. Прицак отмечал, что полоцкая династия была единственной из древних скандинавских династий, которая сумела уцелеть в борьбе с Рюриковичами [2, р. 137]. По мнению Дж. Шепарда, Владимир Святославич стремился связать себя узами со скандинавским родом Рогволода для

того, чтобы упрочить свой династический и политический статус в борьбе со своим братом Ярополком [4, с. 225–226].

Рогволод был представителем новой волны скандинавов, прибывших на Русь непосредственно со Скандинавии. Об этом прямо говорит летопись – «пришель и-заморья», а также свидетельствует скандинавское имя его дочери Рогнеды. В это же время в династии Рюриковичей уже далеко зашли процессы её славянизации, внешним проявлением чего стало преобладание славянских имён в антропонимиконе киевских князей – Святослав, Ярополк, Владимир и др.

В Лаврентьевской летописи под 1128 г. содержится рассказ о попытке мести Рогнеды Владимиру за смерть отца и пренебрежение к ней. В семейный конфликт оказался втянутым и Изяслав, старший сын Рогнеды и Владимира, который заступился за мать. Исход этой драмы оказался довольно неожиданным – по совету своих бояр Владимир отправил Рогнеду и Изяслава в её отчину: «и созва болгары . и повѣда им . вни же рекоша оуже не оубии еѧ дѣтати дѣла сего . но въздвѣгни втчину еѧ . и даи еи с сыномъ своимъ . Володимеръ же оустрой городъ . и да има . и наречѣ има городу тому Изаславль . и ѿтолѣ мечь взимають Роговоложи внуци . противу Ёрославлимъ внукомъ» [5, стб. 300–301].

В сагах очень часто именно женщина является инициатором мести. В этой связи следует указать на присутствие мотива мести женщины за гибель близких родственников в «Саге об Инглингах» и «Саге об Олаве Трюггвасоне» из «Круга Земного» Снорри Стурлусона. Этот мотив имеется в трёх повествованиях: о Скъяльв, убившую Агни за смерть отца; об Асе отомстившей Гудрёду за смерть отца; о Гудрун, пытавшейся отомстить конунгу Олаву за убийство отца [6]. Напомним, что в древнерусской традиции известны два случая мести женщин: месть княгини Ольги за мужа, Игоря, убитого древлянами; попытка Рогнеды отомстить Владимиру за отца и братьев.

В сагах также проявляется взгляд на сына как на члена рода матери, который может стать её заступником и мстителем за её родичей даже против собственного отца. В данном контексте выступление Изяслава на стороне матери следует также рассматривать как проявление силы кровнородственной связи по материнской линии, характерной для родового общества и сохранявшейся ещё долгое время [7, с. 214]. Мотив выступления сыновей на стороне матери против отца встречается в «Саге об Инглингах» в повествовании о Висбуре [6, с. 18]. Он бросает жену, и она уезжает с их сыновьями к своему отцу. Сыновья требуют от отца вернуть матери по праву принадлежащее ей вено. Висбур этого не делает, и сыновья сжигают

отца в его доме [8, с. 169]. Как видим, здесь также присутствует мотив отъезда матери с сыновьями к себе на родину.

Ещё одной уникальной параллелью предания о Рогволоде, Рогнеде и Владимире является один из сюжетов в «Саге об Олаве Трюггвасоне» из «Круга Земного» [6, с. 142]. Олав убивает одного из норвежских вождей. В знак примирения с родичами убитого он женится на его дочери, Гудрун. В первую брачную ночь Гудрун пытается зарезать спящего Олава, но он вовремя просыпается и забирает у неё нож. После конунг отправляется к своим мужам и рассказывает, что случилось. В итоге Гудрун забирает всё своё добро и уходит от Олава вместе со своими людьми. Таким образом, в данном повествовании есть три мотива, аналогичных летописной легенде: попытка мести жены мужу за убийство отца, совещание конунга со своими приближёнными, отъезд жены.

Сравнительный анализ древнескандинавских и древнерусских источников свидетельствует о том, Рогнеда была восстановлена в правах на отцовское наследство и вместе с Изяславом вступила в права владения своей родовой собственностью – Полоцким княжеством. Такое неожиданное решение киевского князя можно интерпретировать в контексте скандинавских правовых обычаев, которые были актуальны при дворе Владимира, поскольку в его окружении находилось много варягов, и сама Рогнеда была скандинавкой. В Скандинавии женщины, ближайшие родственницы по отцовской линии – дочь или сестра, в случае отсутствия прямых наследников мужского пола получали законное право наследовать одаль (др.-исл. óðal) – родовое земельное владение [9, с. 53–54]. При этом право конунга (др.-исл. konungr – «конунг, король, князь») на власть над страной рассматривалось как наследственное право одаля [10, с. 71–73].

Необходимо также учитывать, что для скандинавской и восточнославянской действительности X в. были характерны сильные родовые традиции. Они проявлялись в распространении кровной мести, которая была священной обязанностью члена рода. В древненорвежских законах существуют нормы, в соответствии с которыми: жена сама начинает тяжбу об убийстве мужа при отсутствии поблизости родственников мужского пола; женщина может в исключительной ситуации быть главной получательницей выкупа за убитого родича. В этой связи А.Я. Гуревич отмечал, что девушка получала и, соответственно, платила часть выкупа, если она являлась единственным ребенком своего отца и не была замужем, а у отца не имелось прямых наследников мужского пола [11]. Что касается древнерусских правовых норм, то следует заметить, что в так называемой Древнейшей Правде, первом письменном памятнике

права периода становления Древнерусского государства, в первой статье оговаривается возможность участия в кровной мести племянника убитого по женской линии [11]. Изяслав одновременно приходился внуком Рогволоду и сыном его убийцы, Владимира.

Таким образом, имеющиеся древнескандинавские и древнерусские нормы указывают на наличие правовой возможности участия Рогнеды и её сына в кровной мести за Рогволода. В соответствии с родовыми традициями, которых придерживалось скандинавское окружение Владимира, попытка мести Рогнеды за убийство отца была полностью оправдана. Справедливым возмещением за смерть Рогволода стало возвращение Рогнеде и её сыну прав обладания одалем (в древнерусской терминологии «отчиной») – Полоцком. Заметим, что особое отношение древнерусских князей к скандинавским жёнам прослеживается не только на примере Владимира и Рогнеды, но и в случае с их сыном Ярославом Мудрым и его супругой Ингигерд, дочь шведского конунга Олава Эйрикссона (995–1022 гг.). В качестве свадебного дара от Ярослава Ингигерд получила Ладогу и прилегающую к ней область [12, с. 196].

Вступление Изяслава в права владения наследством Рогволода означало, что сын Рогнеды и Владимира перешёл в род матери и тем самым он стал продолжателем рода Рогволода, благодаря чему в Полоцке уже в конце X в., раньше чем в других древнерусских политических центрах, оформилась своя княжеская династия Рогволодовичей-Изяславичей. Ещё при жизни Владимира власть в Полоцком княжестве передавалась только сыновьям Изяслава – сначала Всеславу, а затем Брячиславу. Имя родоначальника династии Рогволода прочно входит в антропонимикон полоцких князей (известны полоцкие князья Рогволод-Борис Всеславич, Рогволод-Василий Борисович). Таким образом, полоцкий княжеский род Рогволодовичей-Изяславичей обособился в отдельную ветвь и приобрёл особый статус в общерусской династии Рюриковичей.

В историографии (Е. А. Рыдзевская) уже давно были отмечены близкие параллели между легендой о Рогволоде, Рогнеде и Владимире и сюжетами, представленными в древнескандинавской литературной традиции [7, с. 209–210]. Российский исследователь С. М. Михеев недавно расширил данный список сюжетов. Пять параллелей можно найти в «Круге Земном» Снорри Стурлусона: четыре – в «Саге об Инглингах», одну – в «Саге об Олаве Трюггвасоне». Особое внимание С. М. Михеев уделил сюжетам о Хейдреке и Хлёве из «Саги о Хервёре» и «Песни о Хлёде» из Старшей Эдды, которые, по мнению автора, имеют наибольшее сходство с древнерусской легендой. Только в этих двух

произведениях сообщается о борьбе между братьями, упоминается воспитатель конунга, конунг называется «сыном рабыни» [8].

На наш взгляд, наиболее близкой параллелью всё же является повествование о Гудрёде и его жене Асе, которое содержится в «Саге об Инглингах» и в начале следующей саги «Круга Земного», «Саге о Хальвдане Чёрном» [6, с. 36–38]. Сюжет данного повествования следующий. Гудрёд, один из норвежских областных конунгов, сватается к Асе, дочери другого норвежского конунга. Получив отказ, Гудрёд идёт на него войной. В результате погибает отец Асы и её брат. Гудрёд берёт в жёны Асу и вскоре у них рождается сын. Два года спустя Аса подсылает убийцу и Гудрёд погибает. Аса уезжает с сыном на родину и правит во владениях своего отца.

Таким образом, в рассказе о Гудрёде и его жене Асе имеется восемь мотивов, встречающихся в легенде о Рогволоде, Рогнеде и Владимире : неудачное сватовство, победа, взятие города, гибель отца невесты, захват невесты, наличие детей, месть жены, отъезд жены и сына. Уникальным мотивом, которого нет в других источниках, является мотив неудачного сватовства.

Важнейшие указания на генеалогическую связь Рогволодовичей-Изяславичей со знатными норвежскими родами были выявлены нами в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» из «Круга Земного», а также в «Саге о Хрольве Пешеходе». Обратим внимание на сообщение саг о Хрольве Пешеходе. Исследователи идентифицируют Хрольва с реальным историческим деятелем, предводителем викингов Ролло, который в 911 г. захватил земли в устье Сены и основал герцогство Нормандия [13, с. 276]. Для нас важно свидетельство «Саги о Харальде Прекрасноволосом» о том, что Хрольв совершал походы в «Восточные страны», под которыми, как известно, скандинавы подразумевали земли Восточной Европы. В «Саге о Хрольве Пешеходе» содержится подробная информация о военной деятельности Хрольва. Сага сообщает, что Хрольв совершил грабительский поход по реке Дюне (Западная Двина), а затем прибыл в Гардарики (Русь), где победил конунга Эйрека, женился на Ингигерд и стал там конунгом. Кроме того, в саге говорится, что Ингигерд была дочерью Хреггвида, конунга в Гардарики, подчинившего себе земли вдоль Дюны [13, с. 276–286]. Явно, что историческая основа саги размыта и её сюжет изобилует фольклорными и сказочными мотивами. Тем не менее, указание «Саги о Хрольве Пешеходе» на грабительские походы викингов по Западно-Двинскому пути вполне может быть достоверным. В саге также присутствует мотив противостояния двух конунгов, в результате которого конунг-агрессор (Эйрек) убивает местного

конунга (Хреггвид) захватывает его владение (Гарадарики) и дочь (Ингигерд). Очевидно, что подобный мотив лежит в основе летописной легенды о Рогволоде, Рогнеде и Владимире.

Проанализированные сведения саг являются уникальными и дают нам одно из оснований для выдвижения новой гипотезы о норвежском происхождении Рогволода и Туры – первых известных из исторических источников князьях на белорусских землях. В соответствии с «Сагой о Харальде Прекрасноволосом» из «Круга Земного» Хрольв Пешеход был сыном Рёгнвальда Эйстейнссона, ярла Мёра (Мёр – это историческая область в северной части Западной Норвегии, на побережье Атлантики). Рёгнвальд Эйстейнссон являлся ближайшим соратником Харальда Прекрасноволосого – первого норвежского конунга, объединившего под своей властью всю страну и правившего приблизительно с 863 г. по 930 г. В 892 г. Рёгнвальд Эйстейнссон был убит и Харальд Прекрасноволосый назначил ярлом Мёра его сына Турира Молчаливого. Саги свидетельствуют, что сыновья Рёгнвальда Эйстейнссона были хорошо знакомы с Подвиньем и использовали Западно-Двинский путь для осуществления грабительских походов в земли Прибалтики и Руси. Более того, нами выявлено, что только в роду ярлов Мёра встречается уникальное сочетание трёх имён, а именно *Рёгнвальд*, *Турир*, *Рагнхильд*, которые в их славянской интерпретации упоминаются в ПВЛ под 980 г. как *Рогволод*, *Туры*, *Рогнеда*. Имя *Рогволод* соответствует имени Рёгнвальда Эйстейнссона. Имя *Рогнеда* соответствует имени Рагнхильд, жены Рёгнвальда Эйстейнссона. Имя *Туры* соответствует имени Турира, сына Рёгнвальда Эйстейнссона. Таким образом, наиболее вероятной версией происхождения Рогволода и Туры является род норвежских ярлов из Мёра. Они могли являться внуками или правнуками Рёгнвальда Эйстейнссона. Более полное обоснование данной гипотезы представлено в нашей публикации [14].

Итак, схожие образы, мотивы и сюжеты в древнерусских и древнескандинавских текстах возникли в результате участия скандинавов в социокультурных и государствообразующих процессах в восточнославянском регионе. Близкие древнескандинавские параллели летописной легенды о Рогволоде, Рогнеде и Владимире указывают на особое положение полоцкой княжеской династии Рогволодовичей-Изяславичей в скандинаво-славянских связях в IX–XIII вв.

Список использованных источников и литературы

1. Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus : [s. n.], 1953. 262 p.
2. Pritsak O. The origin of Rus'. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1981. Vol. 1 : Old scandinavian sources other than the sagas. 926 p.
3. Duczko W. Viking Rus : studies on the presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden ; Boston : Brill, 2004. 289, [72] p.
4. Франклин С. Начало Руси, 750–1200 : перевод / С. Франклин, Д. Шепард ; под ред. Д.М. Буланина. СПб. : Д. Буланин, 2000. 669 с.
5. Полное собрание русских летописей / Акад. наук СССР, Ин-т истории. М. : Изд-во вост. лит., 1962. Т. 1 : Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку / под ред. Е.Ф. Карского. Воспр. текста изд. 1926–1928 гг. VIII, 577 с.
6. Снорри Стурлусон. Круг Земной : перевод / Снорри Стурлусон ; изд. подгот. : А. Я. Гуревич [и др.] ; Акад. наук СССР. М. : Наука, 1980. 685 с.
7. Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования) / Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1978 г. М., 1978. 240 с.
8. Михеев С. М. Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция (к параллели с легендой о сыновьях Хейдрека) // Именослов : история языка, история культуры : сб. ст. / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук ; отв. ред. Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. С. 169–179.
9. Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье : проблемы социального строя и культуры. М. : Наука, 1977. – 337 с.
10. Гуревич А. Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 367 с.
11. Никольский С. Л. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // Ульфдалир [Электронный ресурс] : сканд. информ. центр. URL : <http://norse.ulver.com/articles/nikolsky/women.html>. (дата обращения : 09.05. 2014).
12. Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы : сб. ст. : пер. с нем. / общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 189–297.
13. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия : в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; под ред. Т.Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. Т. 5 : Древнескандинавские источники / сост. : Г. В. Глазырин, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. 378 с.
14. Самонова М. Н. Рогъволодъ–Ragnvaldr : к вопросу о возможности идентификации // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі, Полац. дзярж. ун-т ; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко. Мінск, 2012. С. 72–78.